

НАРОДНАЯ артистка Грузинской ССР, лауреат премии комсомола Грузии **Нина Ананишвили** родилась в Тбилиси, в 13 лет стала московской. Занятия в хореографическом училище, затем — приглашение в труппу Большого театра. Четырежды она участвовала в престижных международных конкурсах (случай в балетной практике уникальный), и каждый раз — блистательная победа. Сейчас **Нина Ананишвили** — ведущая солистка Большого. Триумф, цветы, овации сопровождают ее не только на родине, но и в Англии, Бельгии, Голландии, Канаде, США, Франции...

СКАЖИТЕ, Нина, условия жизни балетной «звезды» на Западе сильно отличаются от положения у нас?

— Не то слово! Недавно в Большой театр приехали англичане и говорят: «Нам рассказывали, что солисты Большого находятся на привилегированном положении — имеют роскошные квартиры, дачи, машины». Я подумала: в чем же я привилегированная? Живу не очень хорошо, в маленькой однокомнатной квартире, никакими спецмагазинами не пользуюсь, машины тоже нет. У кого-то, может быть, есть возможность все это приобрести, но привилегией такое назвать нельзя. Зарплата у меня достаточно высокая — по нашим понятиям, хотя, конечно, она несоизмеримо ниже, чем у западных танцоров.

Ну а что касается быта: с какими трудностями вам приходится сталкиваться? В какой мере суета поглощает вас?

— Честно говоря, стараюсь как можно реже общаться с бытом, сил на это не остается. В магазины захожу в исключительных случаях, да и то не всегда удается купить даже самые необходимые продукты. Обычно перехвачу что-нибудь в театральном буфете или кулинарии, хотя и там вдруг стало исчезать самое элементарное. Дома мне помогает по хозяйству муж. К счастью, он не заставляет часто стоять у плиты. Друзья, собираясь к нам в гости, спрашивают: какие продукты захватить? Сама люблю готовить сладкие блюда. Есть у меня свой фирменный торт.

А как же диета? Вроде бы, она обязательна для балерины?

— У меня нет абсолютно никакой диеты. Если я много работаю, то потом ем все подряд. Мне кажется, если я вкусно поем, то и силы прибавятся. Когда начинаешь поправляться, то, естественно в какой-то пище немножко ограничиваешь себя. — допустим в ужине. Пожалуй, хлеб — единственное, чего я не ем никогда, просто не люблю его.

Нина, одеваетесь вы, вероятно, в лучших магазинах Европы. А рядом с вами идут по московским улицам сотни людей в серых, часто безликих, безвкусных нарядах. Как чувствуете себя на этом безрадостном фоне?

— Я убеждена, что многие сегодня хотят красиво одеваться, особенно женщины. И дело здесь не в том, чтобы как-то выделиться, быть оригинальнее других. Пожалуй, это стремление к гармонии. — помните у Чехова: В человеке все должно быть прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и руки. У нас же хорошо одеваться — проблема. Если где-то что-то «дают», такое сразу творится, что лучше обойти магазин за километр! Да, в основном, все я привожу из-за границы. Иначе не знаю, как выкручивалась бы. Хорошо, если женщина умеет шить сама. Я пробовала, получалось, но нет времени. Мама шьет для меня очень красивые, элегантные выходные платья; иногда даже спрашивают: где ты это приобрела? Но ведь если женщина и умеет шить, то все равно возникает тысяча проблем. Предположим, у нас запустили в производство какой-то один вид ткани. Она уже давным-давно вышла из моды, ее никто не покупает, но этот материал все равно будет выпускаться, как минимум до конца пятилетки. — потому что план, потому что «надо выполнять». Ну а ткань, из которой тебе хотелось бы шить платье, невозможно найти в продаже. Думаю, что товарный ассортимент должен меняться гораздо быстрее, его должно быть гораздо больше, иначе люди никогда не смогут одеваться в модные и красивые вещи.

Вот вы говорите о безвкусных нарядах. Так ведь надо прививать этот самый вкус. Не все умеют одеваться красиво. Например, в любом европейском магазине сразу увидишь огромное количество самых разнообразных моделей. Причем стоят не те манекены, что у нас, которые могут только отпугнуть покупателя своим жалким видом и, как правило, убогим нарядом. — в витринах выставлены фигуры с различными, тонко и с большим вкусом подобранными комбинациями одежды. Ты получаешь наглядный пример. Причем все это видят и впитывают с малых лет.

Позвольте вопрос совсем из другой области. Ваши героини возвышены, романтичны, трепетны в любви. А что значит любовь в вашей жизни?

— Честно говоря, в юности были некоторые сложности. Действительно, привыкаешь на сцене, как приходит принц, ухаживает за тобой, испытывает какое-то неземное чувство, готовый ради тебя пойти на любые испытания; он обязательно кого-то побеждает, спасая тебя и так далее. Я волновалась: как будет в реальной жизни? Неожиданно получилось так, что в любви я не очень отошла от сценических высоких ощущений. Могу сказать, что я счастлива; рядом со мной супруг, который уважает и даже обожает мою профес-

сию, помогает мне во всем, чтобы я могла больше сил и времени отдавать работе.

— Есть какие-то черты в характере, от которых хотелось бы избавиться?

— Избавиться?.. Не знаю. Но приобрести хотела бы побольше решительности. Я вроде бы смелая, многого не боюсь. Но не всегда могу постоять за себя. Не всегда могу сказать «нет», когда надо бы отказать, не умею быть пробивной хотя понимаю, что люди с этим качеством значительно больше добиваются сегодня в жизни. Отец говорит: «Такой уж, Нина, у тебя характер, ничего не поделаешь».

Моск. комсомолец. - 1989. - 1 окт. - с. 2

ВОЗВЫШЕННОЕ

И ЗЕМНОЕ

Прима-балерина Большого театра
Нина АНАНИШВИЛИ:

«Не умею быть пробивной...»

— ВЫ ЗАГОВОРИЛИ об отце. Знаю, что ваши родители по-прежнему живут в Тбилиси. А стала ли для вас родной Москва за эти годы или душа все-таки осталась в Тбилиси?

— Сейчас Тбилиси и Москва для меня одинаково родные города. Москва — огромный город, здесь много суеты. Но у меня довольно ограниченный круг общения: театр, дом и все, что связано с искусством. Может быть, потому, что я к этому привыкла; в Тбилиси-то все близко, рядом. Правда, у меня много друзей, и это не только люди театра, но и физики, математики, врачи. К сожалению, видимся мы не часто. Но при встречах обязательно обмениваемся новостями, впечатлениями, стараемся помогать друг другу. Люблю ходить с мужем в драматический театр. Никогда не забуду спектакли Анатолия Васильевича Эфроса — «Гартюф» во МХАТе, «На дне» и «Мизантроп» на Таганке...

Конечно, все время тянет домой, в Тбилиси. Стараюсь бывать там чаще. Приезжаю танцевать в концертах, спектаклях или просто отдохнуть. Земляки — самые взыскательные судьи; выступая перед ними, волнуясь чрезвычайно... Знаете, до сих пор чувствую боль в сердце, когда думаю о страшных апрельских событиях в Тбилиси. Самое удивительное, что в то время я была там. Несколько дней проходили манифестации. Я приехала на съемки с японцами, и у меня просто не оста-

валось времени следить за всем происходящим. А наутро, когда случилась трагедия, я улетела в Москву, еще не зная, что произошло... Я бывала после этого в Тбилиси. Ощущение, что люди находятся в шоковом состоянии. Мы так и не узнали еще всей правды о случившемся. Привыкли, что народ все время оказывается обманутым, но ведь уже никто не хочет жить во лжи.

— Бесспорно, многое еще предстоит сделать, изменить, и все же сейчас у людей стала появляться вера, вера в справедливость, и так важно не утратить ее вновь.

швыряли с одной раскладушки на другую. А потом, в 27 градусов мороза, на каталке, я везла раздетую бабушку по улице, потому что дозваться санитара или медсестры было невозможно. Самое-то страшное, что зло по-прежнему остается безнаказанным: Люди знают, что все им с рук сойдет. Вот что ужасно...

— ДАВАЙТЕ, Нина, вернемся к музыке. Не кажется ли вам, что сегодня падает интерес к классическому искусству?

— К сожалению, приходится согласиться с вами. Шла я недавно по направлению к театру и прислушивалась к музыке, которая доносилась из машин. Нигде не звучала классика, только рок-музыка, другие эстрадные ритмы. Сама я отнюдь не против современной музыки. С детства люблю «Битлз», «Пинк фloyd» да и другие группы слушаю с удовольствием — когда это симпатично, талантливо. И все-таки мне стало обидно. Классика практически не интересует сейчас молодежь. А ведь эта музыка помогает как-то заряжаться чистотой, одухотворенностью, она может принести истинное наслаждение. Конечно, вкус к такой музыке нужно прививать с детства — в консерваторию, к примеру, трудно пойти совершенно неподготовленным. Очень радуюсь, когда вижу на своих спектаклях молодые лица.

— На балет в Большой театр еще надо попасть. А это, как вы знаете, не так просто.

— Безусловно. Но в то же время многое зависит сейчас от рекламы. Огромный источник информации — телевидение. Но там балетному искусству почти не уделяется внимание. Нет по-настоящему интересных, ярких передач, каких-то событийных встреч. Может быть, стоит создать специальный канал, целиком посвященный классической музыке, балету? Балет — искусство мимолетное. Если сейчас не увидишь, то лет через двадцать просто не поверишь, что это было.

— Многие ваши творческие победы связаны с Андрисом Линой, партнером. Сейчас он в Америке. Как складывается его судьба? Есть ли надежда, что вновь будете танцевать вместе?

— Вы затронули болезненную для меня тему... С Андрисом мы вместе учились в хореографическом. Дуэтный танец нам преподавал Марис Эдуардович Лиена. Танцевали с Андрисом главные партии в выпускном спектакле «Коппелия», вместе участвовали в двух международных конкурсах в Москве, вместе выступали в Большом, в концертах... Андрис женился и по семейным обстоятельствам остался в Америке. На сезон его пригласили поработать в труппу «Американ сити балей театр». За год он успешно станцевал пять новых партий. Для нашего театра — это неслыханно много.

— Раньше, как известно, театральная администрация не шла ни на какие уступки. Хотели, чтобы тот, кто уезжает из страны, полностью отрезал концы. Рудольф Нуриев, к примеру, более двадцати лет не мог приехать домой, ему не простили, что остался на Западе. Андрис продолжает быть в труппе Большого, — выходит, сейчас что-то начинает меняться.

— А в самом деле, почему бы нашим танцорам не поработать в иных творческих условиях, если их приглашают? Помоему, это только поднимет авторитет советского балета. Два года назад мы с Андрисом ездили в США по приглашению главного хореографа «Нью-Йорк сити балей» Питера Мартинса. Стали первыми советскими артистами, приехавшими в театр, созданный Баланчиным, изучать его балетную лексику. За три недели надо было выучить три одноактных балета и исполнить их с тамошней труппой, которая танцует Баланчина постоянно. Даже американская критика, уверенная, что школа Баланчина недоступна советским артистам, отозвалась о нашем эксперименте очень тепло, а уж публика приняла полностью. К сожалению, подобные поездки пока что редкость.

Вы спрашиваете, будем ли мы еще танцевать с Андрисом?.. Во всяком случае, мне бы так хотелось. У меня нет ощущения, что наш дуэт распался, просто мы временно расстались, и надеемся, вновь выйдем на сцену Большого вместе.

— Помимо балета что вас увлекает?

— Пожалуй, живопись. Особенно эпоха Возрождения. Перед поездкой в Италию прочитала книги о многих художниках. Когда же прошлась по улицам, где рос и учился Микеланджело, когда увидела его работы, полные экспрессии, удивительной гармонии, — у меня было чувство, что я попала в ту эпоху. Вот бы пройтись по этим местам еще раз, с мужем, в спокойной обстановке, просто как туристка! Тяга к путешествиям у меня в крови. Папа и два брата — геологи, в детстве я не раз ездила с ними в экспедиции. Папа, кстати, до сих пор говорит: «Бросай балет, будешь геологом!»

Люблю живопись Филонова, из современных художников — Зверева. Обожаю запах красок в мастерской. Недавно познакомилась с художником из Тбилиси Ираклием Парджани, пришла в восторг от его работ. Очень своеобразный художник. Думаю, скоро его узнают. Иногда рисую сама. А вообще-то времени на отдых чрезвычайно мало. Вся моя жизнь там, на сцене...

Вадим ВЕРНИК.